ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Н.В. Юдин*

СВЯЗКА «БЕЗОПАСНОСТЬ – РАЗВИТИЕ»: ОПЫТ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО АНАЛИЗА**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1

Данная статья завершает цикл исследований, посвященных концептуальному анализу понятия связки «безопасность – развитие» и изучению теоретических аспектов современной практики его применения ведущими государствами-донорами и международными организациями, которые стремятся оказывать помощь развивающимся странам глобального Юга. В статье предпринята попытка проанализировать концепт «связки» с точки зрения постмодернистских подходов в теории международных отношений, для того чтобы понять его место в современных исследованиях безопасности, а также оценить роль и последствия его использования с точки зрения развития соответствующей науки и субдисциплины. В первой части кратко суммированы основные положения постмодернистских исследований безопасности, а также подробно освещены наиболее значимые примеры применения их методологических установок в рамках концептуального анализа понятия «безопасность». Показано, что в центре постмодернистских концепций безопасности лежит анализ феномена смерти и специфических отношений, которые возникают в ходе попыток индивида и общества в целом осмыслить его с помощью рационального знания. Во второй части статьи через призму онтологических и эпистемологических установок постмодернистских исследований безопасности рассмотрены причины появления и распространения концепта связки «безопасность – развитие» в риторике и политике развитых стран. Подобный поход позволил установить, что чрезмерное распространение тенденции к расширению исследовательского поля безопасности в науке о международных отношениях,

* *Юдин Николай Вадимович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник Центра проблем безопасности и развития ФМП МГУ (e-mail: nicolas.yudin@gmail.com).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-30066).

воплощением которой и является концепт «связки», чревато не только подрывом легитимности национальных государств как ключевых акторов на международной арене, но и в целом размыванием самых основ рационального научного знания, коллапсированием повседневных проблем безопасности в состояние онтологической незащищенности индивида. В этой связи автор приходит к выводу, что в настоящий момент назрела необходимость разработки такой методологии исследований безопасности, которая позволяла бы на системной и рациональной основе ограничить их чрезмерное расширение, подвести под них строгие научные основания. Наиболее перспективным в этой связи представляется обращение к наработкам, достигнутым в рамках материалистических подходов в теории международных отношений.

Ключевые слова: связка «безопасность – развитие», теория международных отношений, исследования безопасности, постмодернизм, смерть, онтологическая безопасность, «нестабильные государства», содействие развитию.

Предлагаемое вниманию читателя исследование завершает цикл статей, посвященных концептуальному анализу понятия связки «безопасность – развитие» и изучению теоретических аспектов современной практики его применения ведущими государствами-донорами и международными организациями, которые стремятся оказывать помощь развивающимся странам глобального Юга. В предыдущих работах были последовательно рассмотрены современное состояние исследовательского поля «связки», самые значимые попытки ее теоретического осмысления [Stern, Öjendal, 2010; Chandler, 2007; Hettne, 2010; Duffield, 2010], обозначены наиболее перспективные пути для формулирования ее научного определения и инструментализации [Юдин, 2017b]. Прежде всего, было показано, что в современных условиях, когда основные источники, способные пролить свет на подлинные цели и задачи разнообразных программ содействия развитию и постконфликтного восстановления, реализуемых в странах глобального Юга, остаются закрытыми для ученых, представляется целесообразным обратиться к анализу более широкого историографического контекста, попытаться восстановить генеалогию «связки» за счет вписания ее в контекст давней и богатой традиции изучения конституирующих ее понятий – «безопасность» и «развитие».

В этой связи была предпринята попытка проанализировать данную концепцию через призму теоретических исследований проблем безопасности в международных отношениях [Юдин, 2017a]. Подобный подход позволил установить, что концепция связки «безопасность – развитие» является элементом более масштабной тенденции к расширению исследовательского поля безопасности в теории международных отношений, которая зародилась еще в годы

«холодной войны» [Nye, 1974; Ullman, 1983; Buzan, 1991] и приобрела по-настоящему широкое распространение в 1990-е годы [Booth, 1991; Haftendorn, 1991; Buzan, 1997; Smith, 1999]. Более того, она стала в каком-то смысле наивысшим проявлением этой тенденции, примером доведения ее до логического конца, когда проблематика безопасности расширяется настолько, что начинает включать практически все мыслимые угрозы и вызовы человеческому (и не только: [Mitchell, 2014]) благополучию. Как таковая «связка» не является принципиально новым словом в исследованиях безопасности или, шире, в теории международных отношений. Иными словами, за концепцией «связки» не скрывается качественно новое понимание сути феномена безопасности, она служит скорее для описания специфического набора практик и программ, специфической *политики* безопасности.

При этом следует особо подчеркнуть, что речь идет о традиционном способе концептуализации проблематики безопасности в международных отношениях, основанном на позитивистской философской традиции с присущими ей объективизмом и рационализмом. Несмотря на распространенные в современных зарубежных исследованиях попытки интерпретировать действия ведущих стран-доноров и международных организаций, занимающихся оказанием помощи глобальному Югу, с помощью постпозитивистских, дискурсивных теорий и подходов [The security-development nexus, 2007; Keukeleire, Raube, 2013; etc.], реальная практика использования концепции «связки» соответствующими акторами однозначно свидетельствует, что они вполне предсказуемо полностью стоят на позициях традиционной политической философии. Причем это происходит даже в тех случаях, когда в официальных документах прямо используются термины, введенные в научный оборот в рамках постмодернистских исследований безопасности. Ярким примером в этом отношении может служить ситуация, сложившаяся вокруг концепции «секьюритизации развития», которая обычно рассматривается как характерный маркер и элемент «связки» [Keukeleire, Raube, 2013; Denney, 2015]. Само понятие «секьюритизация» изначально служило для описания особой *дискурсивной* практики, речевого акта, в рамках которого происходит конструирование как угроз безопасности объекта, так и самого референтного объекта как такового [Wæver, 1995]. Иными словами, в полном соответствии с установками постмодернистской политической философии и субъект, и объект безопасности только в рамках конкретного дискурсивного процесса обретали субстанциальный статус и могли быть познаны и осмыслены. Однако во многом в силу непоследовательности и противоречивости построений авторов концепции

«секьюритизации»[1], ученых из так называемой копенгагенской школы [Buzan, 1997; Buzan et al., 1998], к настоящему моменту это первоначальное дискурсивное понимание данного феномена все чаще оказывается забытым, и в случае с той же «секьюритизацией развития» за ним скрывается всего лишь описанная тенденция к банальному расширению проблематики безопасности за счет включения в нее новых вызовов и угроз.

При этом использование постмодернистских подходов для интерпретации деятельности государств и организаций глобального Севера, оказывающих помощь развивающимся и постконфликтным странам, влечет за собой искусственное и волюнтаристичное конструирование смыслов, привнесение в официальные документы чуждых им коннотаций и значений, а также прямо препятствует адекватному изучению феномена «связки», пониманию его новизны, смысла и содержания.

В то же время сказанное вовсе не означает, что постмодернистским подходам вообще нет места в исследованиях «связки». Напротив, специфические исследовательские установки и методы анализа, разработанные в рамках постмодернистской политической философии, открывают уникальные перспективы с точки зрения изучения вопросов, связанных с осмыслением причин, значения и возможных последствий развития тенденции к расширению проблематики безопасности в международных отношениях, воплощением чего и стала концепция связки «безопасность – развитие». Именно на решение этих задач и направлено данное исследование.

Дальнейшее изложение выстроено следующим образом. В первой части статьи кратко суммированы основные положения постмодернистских подходов к изучению проблематики безопасности в международных отношениях, а также подробно освещены наиболее значимые примеры применения этих методологических установок в рамках концептуального анализа понятия «безопасность». Во второй части предпринята попытка приложить идеи и концепции постмодернистских исследований безопасности к анализу современной практики «связки».

* * *

В общем виде основные положения постмодернистских исследований безопасности в международных отношениях были изложены в статьях Л. Хансен [Hansen, 1997] и К. Краузе [Krause, 1998]. Для этого оба ученых использовали метод «от противного», проти-

[1] На различные нестыковки и противоречия в построениях копенгагенской школы указывали, в частности: [McSweeney, 1996, 1998; Browning, McDonald, 2011].

вопоставляя постмодернистские построения парадигмальным позитивистским теориям и школам (прежде всего реализму и либерализму). Последние, по мнению Л. Хансен, представляют собой, по сути, вариации одного и того же, модернистского, проекта научного знания с характерными для него рационализмом, позитивизмом и эмпирицизмом, т.е. верой в существование объективного знания, которое можно обрести, используя строгие научные методы и стандарты естественных наук [Hansen, 1997: 371–373]. Эта общность онтологических и эпистемологических установок ведет к тому, что все позитивистские теории предлагают одинаковое в основе своей понимание феномена безопасности в международных отношениях [Hansen, 1997: 373–374]. В рамках данной трактовки референтные объекты безопасности, будь то национальное государство, международное сообщество или отдельный индивид, рассматриваются как обладающие самостоятельным субстанциальным статусом, предзаданные явления, которые сталкиваются с объективными же, т.е. реально существующими отдельно и независимо от референтного объекта безопасности и внешними по отношению к нему, вызовами и угрозами, доступными для рационального познания и изучения, что, собственно, и становится целью исследований безопасности [Krause, 1998: 312]. Иными словами, исследовательская программа классических (рационалистических) подходов в науке о международных отношениях, копируя методы и стандарты естественных наук, строится на четком разделении субъекта и объекта познания и имеет своей целью описание и объяснение различных взаимосвязей, возникающих между ними. В данных условиях задача политиков и ученых состоит в своевременном и адекватном выявлении и поиске средств парирования этих объективно существующих «где-то там» угроз [Hansen, 1997: 373–374].

Именно на отрицании этих, самых базовых, философских оснований традиционной науки о международных отношениях, в том числе исследований безопасности, строится программа постмодернистских подходов. Отталкиваясь от представлений об имманентно дискурсивной природе всех социальных явлений и отношений, от отдельного индивида до международного порядка в целом, постмодернисты предложили качественно иной взгляд на самую суть таких фундаментальных для международно-политической науки понятий, как «сила», «власть», «безопасность», «государство», «угроза» и т.д. [см. подробнее: Walker, 1990, 1993; Ashley, 1987, 1988; Digeser, 1992; Der Derian, 1993; Huysmans, 1998; Shapiro, Alker, 1996; Dillon, 1995]. С точки зрения постструктуралистов, невозможно провести четкую разграничительную линию между субъектом и объектом познания, они носят взаимообусловленный характер,

появляются и обретают смысл только в рамках соответствующего дискурса и не существуют вне его.

Так, понятие «безопасность», по мнению постмодернистов, обозначает не отношение субъекта к некоей объективно угрожающей ему реальности, а особую дискурсивную практику, в рамках которой происходит как конструирование угроз и вызовов, так и наделение смыслом самого референтного объекта безопасности [Hansen, 1997: 376, 383; Krause, 1998: 306–312][2]. Эти общефилософские, онтологические и эпистемологические особенности постмодернистских подходов предопределили и общее содержание, цели и установки соответствующих исследований в области безопасности.

В частности, принципиальный отказ от жесткого разделения субъекта и объекта таких исследований влечет за собой стремление к преодолению характерной для традиционных подходов бинарной картины действительности, противопоставления внутри- и внешнеполитической сфер. Восприятие всех акторов международных отношений как социальных конструктов придает особое значение изучению процессов их исторического формирования и развития, открывает дорогу восприятию этих акторов как находящихся в процессе непрерывного становления и трансформации. Наконец, принципиальное отрицание существования неких предзаданных, внедискурсивных оснований, относительно которых те или иные явления и процессы международных отношений могут быть оценены как «объективные», «реальные», предполагает признание имманентно субъективной природы нашего знания о процессах, явлениях и акторах мировой политики [Hansen, 1997: 383; Krause, 1998: 316–320]. Как следствие, программа постмодернистских исследований безопасности предполагает формулирование и поиск ответов на вопросы, каким образом те или иные субъекты и объекты безопасности были сконструированы в рамках неких дискурсивных практик; каким образом те или иные процессы и явления начинают восприниматься актором как угрозы его безопасно-

[2] Именно здесь, на наш взгляд, пролегает граница между постмодернистами и радикальными конструктивистами, с одной стороны, и умеренными (или конвенциональными) конструктивистами – с другой. Последние, признавая особую роль коллективных ценностей и идентичностей в формировании политики различных субъектов международных отношений, рассматривают эти ценности как глубоко укорененные в социальной практике и, как следствие, не подверженные быстрым и радикальным изменениями. Из этого тезиса в свою очередь следует, что эти ценности можно рассматривать как объективно существующие, предзаданные явления, что идет вразрез с постмодернистской философской традицией. Подробнее о конвенциональных и радикальных конструктивистах, а также о конструктивистской программе исследований безопасности см.: [Wendt, 1992, 1995; Hopf, 1998; Farrell, 2002; Mitzen, 2006].

сти; какие последствия влечет за собой обозначение той или иной проблемы как проблемы безопасности и т.д. [Krause, 1998: 317].

В исследованиях проблематики безопасности в международных отношениях постмодернисты опираются на методы дискурсивного анализа, деконструкции и генеалогии. Одним из наиболее ярких примеров в этой связи может служить ставшая уже классической статья австралийского ученого Дж. Дер Дериана [Der Derian, 1993], в которой он, взяв за основу своих рассуждений тезис о том, что с окончанием «холодной войны» вся система международных отношений пришла в движение, казавшиеся незыблемыми истины внезапно потеряли свою убедительность, а проверенные временем подходы и методы перестали работать, ставит перед собой задачу восстановить генеалогию одного из наиболее фундаментальных и системообразующих понятий во всей международно-политической науке – понятия «безопасность», выделив и проанализировав несколько наиболее значимых его интерпретаций и трактовок.

Дж. Дер Дериан отмечает, что понятие «безопасность», mutatis mutandi, всегда оставалось в центре исследований международных отношений, служило тем твердым основанием, с опорой на которое конструировались прочие концепции и идеи: власти, порядка, идентичности [Der Derian, 1993: 150]. Однако в условиях постбиполярного мира и эти твердые основания подверглись эрозии, выбив почву из-под ног ученых, политиков и стратегов. Новая реальность международных отношений, характеризующаяся фундаментальной нестабильностью, непредсказуемостью, сама стала восприниматься как экзистенциальный вызов и породила ответную реакцию со стороны теоретиков и практиков, которая приняла форму двух взаимоисключающих тенденций: лихорадочного конструирования новых угроз и расширения предметного поля исследований безопасности, с одной стороны, и стремления огородить его от тлетворного влияния альтернативных теорий и подходов (прежде всего постмодернистских), сохранив методологическую строгость и цельность стратегических исследований времен «холодной войны», – с другой[3]. По мнению Дж. Дер Дериана, оба этих подхода являются паллиативами, попыткой отгородиться от новых реалий, не выходя за рамки привычных интеллектуальных моделей. В качестве альтернативы ученый предлагает взглянуть на устоявшиеся подходы к определению безопасности лишь как на один из возможных вариантов ее концептуализации, сравнить их с трактовками, основанными на иных философских и мировоззренческих традициях [Der Derian, 1993: 151].

[3] Наиболее очевидным примером этой тенденции является статья С. Уолта [Walt, 1991].

Дж. Дер Дериан выделяет четыре крупных подхода к теоретическому осмыслению проблематики безопасности в международных отношениях: эпистемологический реализм Т. Гоббса (который, собственно, и составляет основу традиционных исследований безопасности); социальный реализм К. Маркса; интерпретативный реализм Ф. Ницше и, наконец, гиперреализм Ж. Бодрийяра. Так, для гоббсовской традиции, наиболее ярко изложенной в работах реалистов, характерны представления о «войне всех против всех» как о *естественном* состоянии общества, из которого произрастает нужда в сильном государстве как единственном гаранте мира и безопасности для своих граждан. При таком подходе стремление государств к безопасности посредством укрепления своего суверенитета приобретает характер необходимой реакции на вызовы анархической среды, служит утверждению порядка над первобытным хаосом [Der Derian, 1993: 154].

Этим идеям Дж. Дер Дериан противопоставляет концепции безопасности, проистекающие из философских систем К. Маркса, Ф. Ницше и Ж. Бодрийяра, пытаясь через их сравнительный анализ выявить теоретическую основу для разработки такого определения этого феномена, которое бы наилучшим образом отвечало новым реалиям международных отношений. Исследователь приходит к выводу, что марксистский вариант трактовки безопасности не подходит на эту роль, поскольку, как и гоббсовская интерпретация, строится на характерной еще для эпохи Просвещения вере в существование объективных и универсальных истин, что было поставлено под сомнение «задолго до падения Берлинской стены» [Der Derian, 1993: 163]. Фундаментальную неопределенность, непредсказуемость, противоречивость и изменчивость международных отношений, по его мнению, уже нельзя «исправить» или преодолеть с помощью новых теорий или технологий – это новая «нормальность», в которой нам надо жить и с которой надо научиться уживаться [Der Derian, 1993: 163]. Впрочем, построения Ж. Бодрийяра с его идеями о симулякрах, вытесняющих и подменяющих собой реальность, также представляются Дж. Дер Дериану не вполне отвечающими современным вызовам: несмотря на растущую роль симуляций в военных операциях, экономических и политических процессах, их значение в качестве системообразующего принципа для международных отношений еще нуждается в уточнении и осмыслении. В этих условиях наибольшим эпистемологическим потенциалом, по мнению Дж. Дер Дериана, обладают философские идеи Ф. Ницше [Der Derian, 1993: 163].

Что же придает ницшеанской интерпретации безопасности такую актуальность и практическую значимость с точки зрения

понимания и изучения современных международных отношений? Дж. Дер Дериан считает, что в основе специфической концепции безопасности, характерной для философии Ф. Ницше, лежит вечный парадокс, вечный конфликт между неопределенностью жизни и неизбежностью смерти [Der Derian, 1993: 156]. Речь идет о том, что именно страх перед смертью, материализующийся в образах враждебных «иных» – государств, наций, народов, выступает движущей силой всех (в конечном счете бессмысленных) попыток индивидов обрести безопасность. Стремление к безопасности ведет к отторжению всего необычного, неопределенного, незнакомого; всего, что не поддается рациональному объяснению и категоризации. Потакание же этим первобытным страхам чревато еще большей опасностью – утверждением гегемонии толпы, стадных инстинктов, торжеством посредственности, оппортунизма и конформизма [Der Derian, 1993: 157–159]. Согласно Ф. Ницше достижение безопасности для индивида или государства лишило бы жизнь всего того, ради чего ее вообще стоит проживать: противоречивости, парадоксальности, непредсказуемости.

Этому сковывающему человека стремлению к безопасности Ф. Ницше противопоставляет позитивную волю к власти, под которой он понимает волю к свободной реализации индивидом своих способностей и сил. Воля к власти предполагает совершенно иное отношение к окружающему миру, поскольку строится на принципиальном принятии жизни во всей ее противоречивости, неопределенности и непознаваемости [Der Derian, 1993: 156]. Именно в этих идеях Ф. Ницше Дж. Дер Дериан видит возможный ключ к формулированию нового понимания безопасности в международных отношениях, не пытающегося отгородиться от противоречивости, опасности и непредсказуемости рождающегося мирового порядка, а принимающего и даже приветствующего их [Der Derian, 1993: 163–164].

Данная статья Дж. Дер Дериана может служить весьма показательным примером постмодернистских работ в области международных отношений в целом, сочетая захватывающую дух глубину анализа и дерзость выводов с достаточно скромными и скомканными предложениями относительно возможности их практического применения. В частности, сам Дж. Дер Дериан ограничивается общим призывом к ученым и политикам подумать над возможностью переосмысления своих подходов к безопасности на новых теоретических основаниях и постоянно подчеркивает, что его статья в целом призвана скорее спровоцировать дискуссию, нежели дать четкие ответы на поставленные вопросы [Der Derian, 1993: 151, 161, 163]. В этом отношении рассматриваемая статья

прекрасно иллюстрирует ту особенность постмодернистских исследований безопасности, которую часто отмечают их противники: в них много критики, но мало конструктивных предложений [Walt, 1991: 223; Browning, McDonald, 2011: 236–237]. Впрочем, далеко не всем представителям постмодернистских подходов в теории международных отношений можно вменить этот недостаток.

В частности, блестящим примером применения постмодернистских подходов к изучению проблематики безопасности может служить статья профессора Лондонского университета Дж. Гюисманса «Безопасность! Что вы имеете в виду?» [Huysmans, 1998], в которой предпринята попытка дискурсивного анализа понятия «безопасность» и которая содержит вполне конкретные рекомендации относительно возможного развития как минимум научных исследований в этой области. Дж. Гюисманс ставит перед собой цель изучить безопасность не как средство для описания отношений между референтным объектом и некоей угрожающей ему внешней реальностью, а как самодостаточную дискурсивную практику, которая сама обладает силой создавать и структурировать особым образом социальные отношения, превращая их в специфические отношения безопасности [Huysmans, 1998: 232]. Иными словами, в фокусе исследования оказываются не внешние проявления и аспекты безопасности (что должно быть референтным объектом безопасности; какие угрозы должны приниматься во внимание; какой ценой и какими средствами можно добиваться безопасности и т.д.), а ее самые базовые философские основания как многозначного символа.

В центре внимания снова оказывается проблема смерти. Отталкиваясь от работ Дж. Герца [Herz, 1962], Дж. Дер Дериана [Der Derian, 1993], З. Баумана [Bauman, 1992], Ж. Бодрийяра [Baudrillard, 1993] и других исследователей, Дж. Гюисманс приходит к выводу, что на самом базовом уровне в основе всех современных концепций и теорий безопасности лежит идея смерти [Huysmans, 1998: 235–236]. Смерть является объективным и неизбежным концом существования любого индивида, но именно на ее отрицании, на стремлении отгородиться от нее построены вся западная цивилизация и западная наука.

Страх смерти носит двойственный характер. На первом, онтологическом и эпистемологическом, уровне смерть предстает как воплощение непознаваемого: она неизбежна, но неподвластна рациональному пониманию; это абсолютная истина, но недоступная для человеческого познания. Существование этой непознаваемой пустоты невыносимо для человеческого разума, и оно становится

главным импульсом к развитию научного знания как стремления постичь непознанное, упорядочить хаос и в конечном счете отодвинуть, отсрочить смерть [Huysmans, 1998: 237]. На уровне повседневной жизни эти базовые первобытные страхи трансформируются в конструирование конкретных угроз безопасности индивида. Это конструирование в свою очередь служит двум целям: с одной стороны, оно является основой для выработки стратегий выживания как конкретных мер по борьбе с опасностями; с другой – призвано отвлечь индивида от мыслей о самой главной и неизбывной угрозе – смерти, перевести невыносимый онтологический страх на язык простых и понятных вызовов и угроз, с которыми (в отличие от смерти) можно что-то сделать [Huysmans, 1998: 237–238]. Отталкиваясь от этой двойной трактовки страха смерти, пронизывающего все существование индивида в современном обществе, Дж. Гюисманс предлагает различать два уровня, или два понимания безопасности: повседневный, связанный с конструированием и последующим парированием конкретных угроз и вызовов безопасности, и онтологический, касающийся старательно подавляемых страхов индивида перед смертью [Huysmans, 1998: 242].

Идея смерти представляется системообразующей для всей социальной деятельности людей еще и потому, что страх смерти создает пространство для политики, порождает различных политических акторов, которые выступают как посредники, медиаторы между жизнью и смертью. Так на историческую сцену вышла церковь, а позднее и современное национальное государство. Соответственно и эти акторы выполняют двойственные функции: на повседневном уровне они выступают как защитники индивида от угроз, исходящих от других индивидов и политических акторов, на онтологическом уровне они играют роль гарантов порядка, самого принципа рациональности [Huysmans, 1998: 238].

В этой связи Дж. Гюисманс обращает внимание на парадоксальность природы отношений безопасности. С одной стороны, все политические акторы ставят своей конечной целью ликвидацию угроз безопасности индивида, с другой стороны, само их существование оправдывается только наличием подобных угроз [Huysmans, 1998: 239]. Соответственно те же национальные государства оказываются кровно заинтересованы в максимально убедительных и серьезных угрозах безопасности, поскольку именно из борьбы с ними они черпают свою легитимность. Впрочем, и здесь все не так просто, поскольку, как отмечает Дж. Гюисманс, чрезмерное увлечение конструированием угроз не менее опасно для легитимности политических акторов, чем их неспособность справиться с уже су-

ществующими. В обоих случаях есть риск коллапсирования повседневных проблем безопасности в состояние онтологической незащищенности, когда под вопрос ставится не только оправданность существования того или иного конкретного актора, но и сам принцип рациональности, а индивид оказывается лицом к лицу со своим главным страхом – непостижимостью и неизбежностью смерти [Huysmans, 1998: 242]. И именно это, по мнению Дж. Гюисманса, произошло в международных отношениях после окончания «холодной войны» [Huysmans, 1998: 243–244].

Отталкиваясь от идей Дж. Дер Дериана, Дж. Гюисманс заключает, что с исчезновением глобального противостояния биполярной эпохи и стремительным расширением исследовательского поля безопасности традиционная (восходящая к идеям Т. Гоббса) программа исследований в области международных отношений, основанная на описанном стремлении отгородиться от смерти стенами рационального, систематизированного, позитивного научного знания, вступила в состояние онтологического кризиса [Huysmans, 1998: 246–247]. Однако этот кризис не только несет угрозу устоявшимся теориям и подходам, но и, как подчеркивает Дж. Гюисманс, открывает новые возможности для более нюансированного и теоретически гибкого изучения проблем безопасности и, шире, мировой политики. Он позволяет пересмотреть самые основы наших отношений между познаваемым и непознаваемым, жизнью и смертью. Вслед за Дж. Дер Дерианом Дж. Гюисманс связывает возможность построения такой альтернативной концептуализации проблематики безопасности с философией Ф. Ницше, признанием того, что жизнь имманентно сопряжена с опасностями, противоречиями и неопределенностью [Huysmans, 1998: 247–248]. Это не означает, что ученые и тем более политики должны каким-то образом разом «принять» новое отношение к смерти, перестроив соответственно всю политическую сферу и систему международных отношений. Речь идет скорее о признании фундаментальной субъективности научного знания и жизненного опыта, индивидуальных и коллективных ценностей и идентичностей и необходимости изучения их во всем их многообразии, без попыток подогнать под некие априорные рамки и универсальные стандарты. В этом отношении Дж. Гюисманс пишет о том, что исследования безопасности должны идти по пути рассмотрения контексто-специфических форм, которые может принимать данный феномен в различных социальных, географических и исторических условиях, сравнения значения и содержания различных дискурсивных практик безопасности [Huysmans, 1998: 249–250].

* * *

Как представляется, эти наблюдения и выводы ученых-постмодернистов помогают решить сразу две взаимообусловленные научные задачи по изучению связки «безопасность – развитие». С одной стороны, они дают возможность лучше понять *место* концепции «связки» в современных исследованиях международных отношений вообще и в исследованиях безопасности в частности. С другой стороны, они, что не менее важно, позволяют оценить *роль* и *последствия* использования данной концепции с точки зрения развития соответствующей науки и субдисциплины. Дальнейшие рассуждения представляют собой попытку взглянуть на концепт «связки» через призму постмодернистской философии, понять, как она может проблематизировать, казалось бы, аксиоматические утверждения и основания исследований безопасности и, шире, науки о международных отношениях, т.е. какие новые вопросы она позволяет задать, какие новые исследовательские задачи поставить и какие ответы может в свою очередь предложить. Таким образом, речь идет о своеобразном интеллектуальном упражнении, призванном не столько дать окончательные разъяснения о природе и сущности «связки», сколько обозначить возможности ее интерпретации с позиций постмодернистских подходов.

Так, на первый взгляд, выводы из постмодернистских исследований безопасности идеально подходят для описания феномена связки «безопасность – развитие», определения ее роли и места в современной науке о международных отношениях. Действительно, один из ключевых тезисов сторонников использования данной концепции как теоретической основы для концептуализации целей и задач ведущих доноров и разработки на этой основе конкретных программ содействия развитию стран глобального Юга как раз заключается в том, что «связка» воплощает решительный разрыв со всей предшествующей традицией, с государствоцентричными и политизированными подходами времен «холодной войны» [Jackson, 2015: 2–14]. «Связка» рисуется в таких работах и документах как концепция, открывающая возможность для отхода от жестких априорных установок, характерных для деятельности доноров в предшествующие годы, позволяющая проявлять гибкость и учитывать специфические нужды реципиентов помощи[4]. Иными

[4] Eliminating World Poverty: Building Our Common Future // Department for International Development (DFID). 2009. Available at: http://www.infodev.org/infodev-files/resource/InfodevDocuments_671.pdf (accessed: 08.01.2017); Fighting Poverty to Build a Safer World: A Strategy for Security and Development // Department for International Development (DFID). 2005. Available at: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+/http:/www.dfid.gov.uk/pubs/files/securityforall.pdf (accessed: 04.01.2017); Poverty and

словами, «связка» предстает как концепция, наиболее полно и адекватно ухватившая новые реалии постбиполярного мира с его многообразием конфликтов и противоречий, плюралистичностью интересов, ценностей и идеалов [Stern, Öjendal, 2010].

Впрочем, эти претензии решительно отвергаются многочисленными критиками данной концепции (точнее, современной практики ее использования), которые указывают, что отмеченные идеи остаются лишь декларированными официальными лозунгами, имеющими весьма опосредованное отношение к практической деятельности доноров [Chandler, 2007: 369–373]. В частности, многие исследователи подчеркивают, что вопреки пафосу разрыва с политизированными установками программ помощи времен «холодной войны» на деле «связка» воплощает не менее идеологизированный, догматичный и западноцентричный подход ведущих западных доноров к решению проблем стран глобального Юга [Albrecht, Stepputat, 2015; Jackson, Albrecht, 2011].

Security Sector // DFID. 1998. Available at: http://www.gsdrc.org/docs/open/cc111.pdf (accessed: 09.01.2017); A Secure Europe in a Better World: A European Security Strategy // European Council. 2003. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf (accessed: 03.01.2017); Report on the Implementation of the European Security Strategy: Providing Security in a Changing World // European Council. 2008. Available at: https://www.satcen.europa.eu/pdf_key/report%20on%20the%20implementation%20of%20the%20ess.pdf (accessed: 05.01.2017); World Development Report 2011: Conflict, Security and Development // World Bank. 2011. Available at: http://siteresources.worldbank.org/INTWDRS/Resources/WDR2011_Full_Text.pdf (accessed: 04.01.2017); In Larger Freedom: Towards Development, Security and Human Rights for All. Report of the UN Secretary General // United Nations. 2005. Available at: http://www.unmillenniumproject.org/documents/Inlargerfreedom.pdf (accessed: 08.01.2017); A More Secure World: Our Shared Responsibility. Report of the Secretary-General's High-Level Panel on Threats, Challenges and Change. New York: United Nations // United Nations. 2004. Available at: http://www.un.org/en/peacebuilding/pdf/historical/hlp_more_secure_world.pdf (accessed: 03.01.2017); Human Development Report 2005. International Cooperation at a Crossroads: Aid, Trade and Security in an Unequal World // United Nations Development Programme (UNDP). 2005. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/266/hdr05_complete.pdf (accessed: 04.01.2017); Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security // UNDP. 1994. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (accessed: 04.01.2017); The OECD DAC Handbook on Security System Reform (SSR): Supporting Security and Justice // Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). 2007. Available at: http://www.oecd.org/governance/governance-peace/conflictandfragility/oecddachandbookonsecuritysystemreformsupportingsecurityandjustice.htm (accessed: 05.01.2017); Strengthening the security–development nexus // International Peace Academy. 2004. Available at: http://www.un.org/esa/peacebuilding/Library/Strengthening_SecDev_Nexus_IPA.pdf (accessed: 09.01.2017); Tschirgi N. Peacebuilding as the link between security development: Is the window of opportunity closing? // International Peace Academy. 2003. Available at: http://www.un.org/esa/peacebuilding/Library/Peacebuilding_as_link_IPA.pdf (accessed: 10.01.2017).

На наш взгляд, связка «безопасность – развитие» действительно может трактоваться как яркий образец политологической концепции постбиполярной эпохи, как характерное и показательное воплощение глубинных тенденций развития международно-политической науки на современном этапе. Только речь идет в данном случае не о прямолинейном ее соотнесении с выводами тех же постмодернистов о сущности и специфике нового мирового порядка, а о рассмотрении ее в более широком контексте их рассуждений о содержании и детерминантах развития научного знания вообще и исследований безопасности в частности.

Прежде всего, речь идет о наблюдениях постмодернистов относительно природы угроз безопасности и характера взаимосвязи между ними и референтными объектами безопасности. В частности, по-новому взглянуть на причины появления концепции «связки» позволяют идеи Дж. Дер Дериана и Дж. Гюисманса о том, что акторы международных отношений стремятся не просто минимизировать, а в идеале – ликвидировать угрозы своей безопасности, но в то же самое время нуждаются в них как в источнике обоснования своей легитимности и права на существование в целом. С этой точки зрения «связка» предстает не столько как результат развития практики оказания помощи государствам «третьего мира» в годы «холодной войны», переосмысления на новых теоретических основаниях государство- и западноцентричных подходов, характерных для традиционных стратегий и программ развитых стран, сколько как логичное и закономерное выражение глубинных импульсов, лежащих в основе тенденции к расширению исследовательского поля безопасности в постбиполярный период.

В качестве одного из этих импульсов можно назвать осознанное или нет стремление ведущих западных стран, в первую очередь США и их союзников, заполнить вакуум, возникший в их системе самоидентификации и легитимации в связи с распадом Советского Союза. Исчезновение главного оппонента в «холодной войне» в значительной мере обессмысливало существование раздутого военно-промышленного комплекса, громоздкой системы союзов и гарантий другим странам. Ответом на это стало активное конструирование новых угроз безопасности, будь то «государства-изгои», «нестабильные государства» [Бартенев, 2017], международная организованная преступность, терроризм или глобальные климатические изменения. Запрос на поиск новых вызовов и угроз как объекта для приложения неожиданно высвободившихся ресурсов, средства обоснования сохранения военных расходов на прежнем уровне и поддержания легитимности существующих политических режимов придал совершенно новый импульс разработке различных «аль-

тернативных» концепций и подходов к определению сущности безопасности в международных отношениях. Если в годы «холодной войны» различные предложения в пользу расширения исследовательского поля безопасности за счет включения в него различных невоенных вызовов и угроз (экономических, экологических, политических, социальных и т.д.) не получали широкого распространения, будучи не в силах соперничать за внимание политиков и стратегов с прямой и очевидной угрозой в лице СССР [Ullman, 1983], то в начале 1990-х годов произошел их подлинный расцвет [Booth, 1991; Haftendorn, 1991].

В этот период в теоретических работах, посвященных концепции безопасности, распространилась идея, что традиционные подходы к определению этого феномена, сосредоточенные на парировании внешних военных угроз (наиболее последовательно представленные, в частности, американскими стратегическими исследованиями), носят излишне редукционистский, государствоцентричный характер, искажают истинные цели политики безопасности, каковыми являются выживание и благополучие людей, отдельных индивидов, а не государств [Booth, 1991: 317–320]. Эти идеи проникли и в официальную риторику крупнейших международных организаций и ведущих западных держав [The security-development nexus, 2007: 10; Jackson, 2015: 2–4; Lucey, 2015; Hudson, 2015: 49–50; Denney, 2015: 137–139].

В то же время, как представляется, все эти новые «концепции» и виды безопасности не компенсировали, да и не могли в полной мере компенсировать урон, который понесли традиционные мировоззренческие установки и способы легитимации, формирующие коллективные идентичности западных стран, в результате исчезновения главного «иного» – Советского Союза. И «государства-изгои», и экологические проблемы, и даже международный терроризм едва ли могут служить полноценной и, главное, стабильной заменой враждебному государству в роли главной, очевидной и понятной обществу угрозы.

Таким образом, с позиции постмодернистских подходов именно неудовлетворенность имеющимися ответами на запрос в новых вызовах и, как следствие, необходимость поиска или конструирования угроз, сопоставимых по важности, масштабу и убедительности с многоплановой (политической, военной, идеологической) угрозой, исходившей в свое время от СССР, могут рассматриваться как главные внутренние движущие силы дальнейшего расширения исследований безопасности, которые в итоге и привели к появлению концепции связки «безопасность – развитие».

Действительно, базовая установка этой концепции, увязывающая решение проблем безопасности стран глобального Севера с решением (в том числе) проблем развития стран глобального Юга, предстает как логичный и закономерный итог поисков новой «достойной» угрозы, на борьбе с которой можно было бы выстроить прочную коллективную идентичность западных государств в постбиполярный период. Содействие развитию «нестабильных» и постконфликтных стран, концептуализированное как проблема безопасности, обладает с этой точки зрения целым рядом достоинств. Во-первых, оно дает по-настоящему масштабную проблему, решение которой, даже чисто гипотетически, неизбежно предполагает принятие комплексных мер, включающих переформатирование работы и постановку новых задач перед всеми основными государственными институтами (от ведомств экономического блока до военных и силовых структур) с выделением соответствующего дополнительного финансирования. Во-вторых, в силу своей масштабности эти проблемы не могут быть решены в кратко- и среднесрочной перспективе, т.е. они обладают потенциалом для превращения в долгосрочный элемент планирования, в стабильный и надежный источник формирования коллективных ценностей и идентичностей. В-третьих, не менее важным в этом отношении является тот факт, что концепция «связки» обладает значительным позитивным нормативным содержанием, поскольку речь идет не просто о решении проблем национальной безопасности, но о прогрессивной идее помощи нуждающимся, о производстве общественных благ, что позволяет придать соответствующим коллективным ценностям миссионерский оттенок.

Вместе с тем оценка «связки» как закономерного и логичного итога расширения исследований безопасности вовсе не означает, что этот итог является наилучшим или вообще приемлемым. Дело в том, что описанные достоинства «связки» как возможного фокуса кристаллизации усилий западных стран по поиску и конструированию оснований для легитимации своего существования в постбиполярную эпоху в значительной мере, если не полностью, перекрываются ее недостатками. Некоторые из них лежат на поверхности и были присущи всем «альтернативным» концепциям безопасности с самого момента зарождения тенденции к расширению исследовательского поля в этой сфере. В частности, речь идет о том, что, как было отмечено ранее, ни одна из новых угроз, к которым в разное время пытались привлечь внимание политиков и стратегов ученые, не может соперничать в современных условиях по убедительности, очевидности и потенциалу мобилизации общественного мнения и финансовых ресурсов с образом враждебного государ-

ства [Ullman, 1983]. В этом отношении идеи «связки», конечно, могут помочь тем же военным ведомствам привлечь дополнительное финансирование и расширить мандат их операций «на земле», а также улучшить собственный образ внутри страны и на международной арене, получив репутацию поставщика общественных благ, но в полной мере компенсировать отсутствие четкого и понятного образа враждебного «иного» объективно не в состоянии.

Впрочем, как показывает развитие событий в последние годы (резкое ухудшение отношений между Российской Федерацией и западными странами в связи с «украинским кризисом» и введением антироссийских санкций, рост напряженности на Корейском полуострове, туманные перспективы американо-иранских отношений и рост политических амбиций КНР), в настоящий момент у западных держав нет недостатка в реальных и потенциальных претендентах на роль значимого «иного».

В этой связи можно предположить, что «связка» как концепция, во многом воплотившая пафос западной международно-политической науки 1990-х годов с характерными для этого периода идеями о глобальной победе рыночной либерально-демократической модели общественного устройства, о кризисе и отмирании института национального суверенного государства и моральном устаревании традиционных принципов и форм международных отношений, основанных на балансе сил [Най, 2014; Booth, 1991; Fukuyama, 2005; Sassen, 1996; Camilleri, Falk, 1992; Jacobsen et al., 2008], может в значительной степени потерять свою популярность, уступив в стратегических документах ведущих держав место проверенным временем концепциям и подходам: баланса сил, военно-стратегического паритета, блокового размежевания и т.д.

В каком-то смысле подобный сценарий развития международных отношений и международно-политической науки можно было бы назвать регрессом, вынужденным и достойным сожаления отказом от более продвинутых, демократичных принципов и форм ведения внешней политики. Однако рассмотрение данного вопроса через призму постмодернистской философии дает несколько иную картину.

В частности, к интересным и неожиданным выводам относительно места и роли концепции «связки» в теории и практике международных отношений позволяет прийти ее сопоставление с идеями Дж. Гюисманса о существовании двух уровней (двух видов) безопасности – повседневной и онтологической – и о характере их взаимосвязи и взаимозависимости. С этой точки зрения концепция «связки», рассматриваемая как наивысшее выражение тенденции к расширению исследовательского поля безопасности

в международных отношениях, может служить прекрасной иллюстрацией гипотезы Дж. Гюисманса о том, что стремление акторов мировой политики к поиску и конструированию все новых вызовов и угроз как к средству обеспечения и поддержания своей легитимности и права на существование, особенно в условиях кризиса коллективных идентичностей, может обернуться коллапсированием проблематики повседневной безопасности в состояние онтологической незащищенности.

В связи с этим можно выделить как минимум два фундаментальных обстоятельства, с которыми сопряжено и которые влечет за собой расширение использования концепции «связки» в теории и практике различных акторов современной мировой политики.

Во-первых, попытки концептуализировать с помощью этого понятия содержание и цели политики ведущих субъектов международных отношений на современном этапе и выстроить на этой основе новую систему коллективных способов самоидентификации неизбежно приводят к окончательному размыванию грани между вопросами безопасности и развития, когда они начинают восприниматься как аналитически неразделимое целое. Это в свою очередь ведет к тому, что теоретически абсолютно любая сфера индивидуального и общественного бытия может стать элементом дискурса безопасности, начинает восприниматься как потенциальный источник уязвимости, риска, угрозы. Итогом становится ситуация экзистенциальной неопределенности, неуверенности, страха; все традиционные психологические защитные механизмы в виде рационального знания, научной картины мира, сконструированных политических моделей перестают работать, а индивид, выражаясь словами Дж. Гюисманса, оказывается перед лицом своего главного экзистенциального страха – страха смерти [Huysmans, 1998: 242]. Таким образом, постмодернистская философия позволяет выявить интересный парадокс развития современной науки о международных отношениях, в частности исследований безопасности, когда, казалось бы, благонамеренное стремление распознать максимально инклюзивный спектр вызовов и угроз безопасности государства, общества и индивида, будучи доведенным до логического конца, оборачивается поражением всего модернистского проекта научного знания и рациональности.

Разумеется, речь не идет о том, чтобы напрямую увязывать некие существующие в современной теории международных отношений кризисные явления и тенденции единственно с концепцией связки «безопасность – развитие». Подобная постановка вопроса была бы некорректной и теоретически недоказуемой. Данная работа призвана лишь показать потенциал применения постмодер-

нистских подходов при анализе и интерпретации современных политологических концепций, в данном случае «связки». Имея в виду эту оговорку, нельзя все же не отметить, что подобная интерпретация позволяет по-новому взглянуть на внутренние, обусловленные состоянием самой науки о международных отношениях причины распространенности в академическом и экспертном сообществе утверждений, что новой нормальностью международных отношений на современном этапе являются фундаментальная непредсказуемость, турбулентность и волатильность.

Во-вторых, наравне с этими общефилософскими наблюдениями, которые следуют из рассмотрения последствий и результатов использования концепции «связки» через призму постмодернистских подходов, существует и ряд более частных. Например, как отмечает тот же Дж. Гюисманс, трансформация повседневных проблем безопасности в онтологические неизбежно оборачивается кризисом существующих политических акторов, поскольку в глазах населения они оказываются несостоятельными в решении своей главной задачи – служить медиаторами между жизнью и смертью, выступать гарантами самого принципа упорядоченности и познаваемости мира [Huysmans, 1998: 243–244].

С этой точки зрения, несмотря на то что в краткосрочной перспективе использование концепции «связки» приносит определенные политические и экономические дивиденды отдельным министерствам и ведомствам и в целом, казалось бы, укрепляет легитимность государственных институтов в развитых странах, в долгосрочной перспективе оно может нести в себе угрозу национальному государству как главному актору международных отношений, принципу государственного суверенитета. Отчасти этот тезис подкрепляется существующей практикой реализации различных программ и стратегий «связки» в странах глобального Юга, когда помощь направляется не только и не столько государственным органам, сколько различным альтернативным акторам в сфере безопасности: негосударственным организациям, общинам, племенам, лидерам вооруженных формирований и т.д. [см. подробнее: Handbook of international security and development, 2015]. Но если в случае с развивающимися странами эти тенденции можно объяснить конъюнктурными политическими интересами и расчетами держав-доноров, то обращение к постмодернистской философии позволяет выявить более масштабные долгосрочные проблемы, с которыми гипотетически может быть сопряжено использование концепции «связки».

Действительно, общий пафос исследований, выполненных в рамках данной концепции, часто сводится к идее, что традиционные

методы и стратегии обеспечения безопасности не работают, а государство не является и не может быть центральным элементом политики безопасности и, шире, мировой политики [Booth, 1991; Jesperson, 2017]. И хотя из этого, как правило, делается достаточно сдержанный вывод, что государственные институты в развитых странах должны адаптироваться к новым условиям путем разработки новых, комплексных и холистичных, подходов к проведению своей внешней политики, а также путем развития и углубления межведомственного взаимодействия [Fitz-Gerald, 2006; Stewart, 2004; Merket, 2016], на практике подобные работы могут способствовать утверждению в академическом и экспертном сообществе идеи о неспособности государства в полной мере адекватно парировать современные вызовы и угрозы. Данная идея основана скорее на неких не до конца отрефлексированных идеологических установках, чем на скрупулезном анализе той же эффективности современной работы в области оказания содействия развитию стран глобального Юга. С этой точки зрения возможный отказ ведущих акторов международных отношений от широкого использования концепции «связки» в пользу более традиционных способов и форм концептуализации своей внешнеполитической деятельности может расцениваться не как регресс, а как в определенном смысле прогрессивный шаг, способный остановить процесс эрозии самых основ, онтологических и эпистемологических, современных представлений о международных отношениях, их сути, перспективах развития и возможностях их научного познания.

* * *

Предпринятая в этой статье попытка применить постмодернистские подходы к анализу достаточно частного сюжета, связанного с определением и оценкой места, роли и значения концепции связки «безопасность – развитие» в исследованиях безопасности и современной теории международных отношений в целом, позволяет прийти к достаточно неожиданным выводам.

Дело в том, что представители постмодернистских исследований безопасности имеют репутацию наиболее последовательных, решительных и радикальных критиков традиционных подходов к проблематике безопасности, прежде всего неореализма и основанных на нем стратегических исследований. Постмодернисты не только осуждают, наравне с традиционными «расширителями», редукционизм неореалистских теоретических построений, их сосредоточенность на внешних военных угрозах государству и пренебрежение иными (невоенными) вызовами и иными (негосударственными) референтными объектами безопасности (индивид,

общество, мировое сообщество и т.д.), но и противопоставляют им принципиально иную философию. И хотя последнее обстоятельство остается до сих пор не до конца отрефлексированным в современной международно-политической науке, это не помешало тем же неореалистам увидеть именно в постмодернистских исследованиях безопасности главную угрозу для будущего субдисциплины и обрушиться на них с крайне резкой критикой [Walt, 1991; Mearsheimer, 1994/1995]. Иными словами, ученые-постмодернисты традиционно воспринимаются в академическом сообществе (и сами позиционируют себя) как последовательные сторонники расширения исследовательского поля безопасности в международных отношениях. В этой связи логично было бы предположить, что их построения, будучи приложенными к дискурсу связки «безопасность – развитие», должны были бы подтвердить его прогрессивность и перспективность как наивысшего выражения тенденции к расширению проблематики безопасности.

Между тем последовательное рассмотрение современной практики употребления концепции «связки» и характерных элементов соответствующего дискурса с позиций постмодернистской философии, предпринятое в этой статье, парадоксальным образом скорее подтверждает правоту сторонников традиционных подходов и их опасений, что чрезмерное расширение проблематики безопасности чревато непредсказуемыми и неконтролируемыми последствиями для субдисциплины и для науки о международных отношениях в целом, поскольку понятие «безопасность» является одним из ее краеугольных камней. Более того, постмодернистские подходы позволяют выявить такие потенциальные проблемы, связанные с расширением использования этой концепции в, которые традиционные теории изначально не были в состоянии распознать. В частности, анализ «связки» через призму идей Дж. Дер Дериана и Дж. Гюисманса показывает, что с точки зрения собственно постмодернистской онтологии и эпистемологии она не только может рассматриваться как представляющая потенциальную угрозу легитимности национальных государств в качестве ключевых политических акторов современной мировой политики, но и в каком-то смысле как подрывающая самые основания системы рационального научного познания, на которых строится современная наука о международных отношениях.

Разумеется, предложенный вариант интерпретации места, роли и значения «связки» в исследованиях безопасности с точки зрения постмодернистских подходов не является единственно возможным – слишком разнообразна постмодернистская исследовательская программа. В то же время в той мере, в какой подобный под-

ход имеет право на существование, он выводит нас на ряд более крупных проблем, связанных с современным состоянием и перспективами развития исследований безопасности в международных отношениях. Прежде всего, он позволяет обозначить теоретические пределы тенденции к расширению проблематики безопасности за счет включения в нее все новых вызовов и угроз и заключить, что в конечном счете этот путь развития данной субдисциплины является тупиковым. Из этого утверждения, однако, вовсе не следует, что исследования безопасности должны идти по пути безоглядного возвращения к редукционистским подходам, характерным для тех же стратегических исследований периода «холодной войны», что они должны сосредоточиться исключительно на проблемах внешних угроз военного характера и государстве как главном референтном объекте.

Речь идет о том, что одной из первоочередных задач, стоящих перед исследователями проблематики безопасности на современном этапе, являются поиск и разработка такой методологии и таких методов, которые задавали бы прозрачные и верифицируемые критерии отделения вызовов и угроз безопасности от просто политических проблем, а также позволяли бы на системной и рациональной основе масштабировать исследования безопасности, давая возможность в зависимости от целей анализа одинаково эффективно оперировать различными типами референтных объектов, вызовов и угроз.

В качестве одной из возможных основ для разработки подобной методологии можно выделить идеи Б. Миллера [Miller, 2001] и Э. Колодзея [Kolodziej, 2005]. Они предлагают простой критерий отделения политических проблем от проблем безопасности: к последним относятся только те, которые вне зависимости от своей природы, источника или характера несут угрозу применения военной силы, прямого вооруженного столкновения между теми или иными акторами международных отношений. До тех пор, пока на повестке дня не появляются вопросы войны и мира, речь должна идти о сугубо политических проблемах и соответствующих способах их решения [Miller, 2001: 28, 37; Kolodziej, 2005: 22–23]. При этом Б. Миллер, решительно выступая против чрезмерного расширения исследовательского поля безопасности, в то же время подчеркивает, что исследования в этой сфере должны одинаково учитывать как традиционные, так и нетрадиционные вызовы и угрозы (экологические, социетальные и т.д.) [Miller, 2001: 26–29].

Именно разумное самоограничение и постановка неких барьеров на пути безудержного расширения исследовательского поля безопасности в международных отношениях представляются в на-

стоящий момент наиболее перспективными с точки зрения преодоления уже заявивших о себе в полную силу кризисных тенденций в развитии соответствующей субдисциплины. Другое дело, что эти барьеры должны возводиться не волюнтаристично, а на строгих научных основаниях. В этом отношении идеям Б. Миллера присущ тот недостаток, что они строятся исключительно на изучении позитивистских теорий (реализма, либерализма и работ «традиционных расширителей»). Между тем к настоящему моменту можно констатировать, что потенциал этих подходов, идеалистических по своей сути, в значительной степени уже исчерпан. В этой связи все более настоятельной становится необходимость обращения к теоретическим наработкам в области изучения международных отношений, сделанным в рамках материалистической философии. Именно они могли бы придать исследованиям проблем безопасности и развития подлинно системный характер, подвести под них твердые научные основания. Но эта задача требует совершенно отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев В.И. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 26–41.

2. Най Д. Будущее власти. М.: АСТ, 2014.

3. Юдин Н.В. Расширение проблематики исследований безопасности // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. С. 60–78.

4. Юдин Н.В. Связка «безопасность – развитие»: проблемы и перспективы инструментализации // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 9. С. 16–23.

5. Albrecht P., Jackson P. Security system transformation in Sierra Leone, 1997–2007. Birmingham: University of Birmingham, 2009.

6. Albrecht P., Stepputat F. The rise and fall of security sector reform in development // Handbook of international security and development / Ed. by P. Jackson. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 150–164.

7. Ashley R.K. The geopolitics of geopolitical space: Toward a critical social theory of international politics // Alternatives: Social Transformation and Humane Governance. 1987. Vol. 12. No. 4. P. 403–434.

8. Ashley R.K. Untying the sovereign state: A double reading of the anarchy problematique // Millennium – Journal of International Studies. 1988. Vol. 17. No. 2. P. 227–262.

9. Baldwin D. The concept of security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23. P. 5–26.

10. Baudrillard J. Symbolic exchange and death. London: Sage, 1993.

11. Bauman Z. Mortality, immortality, and other life strategies. Cambridge: Polity, 1992.

12. Booth K. Security and emancipation // Review of International Studies. 1991. Vol. 17. Iss. 4. P. 313–326.

13. Brown M.E., Lynn-Jones S.M., Miller S.E. Debating the democratic peace. Cambridge: MIT Press, 1996.

14. Browning C.S., McDonald M. The future of critical security studies: Ethics and the politics of security // European Journal of International Relations. 2011. Vol. 19. No. 2. P. 235–255.

15. Buzan B. People, states, and fear: An agenda for international security studies in the post-Cold War era. Boulder: Lynne Rienner, 1991.

16. Buzan B. Rethinking security after the Cold War // Cooperation and Conflict. 1997. Vol. 32. No. 1. P. 5–28.

17. Buzan B., Hansen L. The evolution of international security studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

18. Buzan B., Waever O., Wilde J.D. Security. A new framework for analysis. London: Lynne Reinner, 1998.

19. Camilleri J.A., Falk J. The end of sovereignty? The politics of a shrinking and fragmenting world. Aldershot: Edward Elgar Publishing, 1992.

20. Chandler D. The security-development nexus and the rise of 'anti-foreign policy' // Journal of International Relations and Development. 2007. Vol. 10. P. 362–386.

21. Checkel J.T. The constructivist turn in international relations theory // World Politics. 1998. Vol. 50. No. 2. P. 324–348.

22. Chernoff F. The study of democratic peace and progress in international relations // International Studies Review. 2004. Vol. 6. P. 49–77.

23. The culture of national security: Norms and identity in world politics / Ed. by P.J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996.

24. Denney L. Operationalizing the security-development nexus: Security sector reform and its implications // Handbook of international security and development / Ed. by P. Jackson. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 135–149.

25. Der Derian J. The value of security: Hobbes, Marx, Nietzsche, and Baudrillard // The political subject of violence / Ed. by D. Campbell, M. Dillon. Manchester: Manchester University Press, 1993. P. 94–113.

26. Digeser P. The fourth face of power // The Journal of Politics. 1992. Vol. 54. No. 4. P. 977–1007.

27. Dillon M. Security, philosophy, and politics // Global modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: Sage Publications, 1995. P. 155–177.

28. Duffield M. The liberal way of development and the development-security impasse: Exploring the global life – chance divide // Security Dialogue. 2010. Vol. 41. No. 1. P. 53–76.

29. Farrell T. Constructivist security studies: Portrait of a research program // International Studies Review. 2002. Vol. 4. Iss. 1. P. 49–72.

30. Fitz-Gerald A. Addressing the security-development nexus: Implications for joined-up government // New interfaces between security and development. Changing concepts and approaches / Ed. by S. Klingebiel. Bonn, 2006. P. 107–126.

31. Fukuyama F. America at the crossroads. Democracy, power, and the neoconservative legacy. New Haven: Yale University Press, 2006.

32. Furness M., Gänzle S. The security-development nexus in European Union foreign relations after Lisbon: Policy coherence at last? // Development Policy Review. 2017. Vol. 35. No. 4. P. 475–492.

33. Haftendorn H. The security puzzle: Theory-building and discipline-building in international security // International Studies Quarterly. 1991. Vol. 35. No. 1. P. 3–17.

34. Handbook of international security and development / Ed. by P. Jackson. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015.

35. Hansen L. A case for seduction? Evaluating the poststructuralist conceptualization of security // Cooperation and Conflict. 1997. Vol. 32. No. 4. P. 369–397.

36. Herz J. International politics in the atomic age. New York: Columbia University Press, 1962.

37. Hettne B. Development and security: Origins and future // Security Dialogue. 2010. Vol. 41. No. 1. P. 31–52.

38. Hopf T. The promise of constructivism in international relations theory // International Security. 1998. Vol. 23. No. 1. P. 171–200.

39. Hudson H. Untangling the gendering of the security-development nexus // Handbook of international security and development / Ed. by P. Jackson. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 47–63.

40. Huysmans J. Security! What do you mean? From concept to thick signifier // European Journal of International Relation. 1998. Vol. 4. No. 2. P. 226–255.

41. Jackson P., Albrecht P. Reconstructing security after conflict: Security sector reform in Sierra Leone. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

42. Jacobsen T., Sampford C.J.G., Thakur R.C. Re-envisioning sovereignty: The end of Westphalia? Aldershot: Ashgate, 2008.

43. Jesperson S. Rethinking the security-development nexus: Organized crime in post-conflict states. New York: Routledge, 2017.

44. Keukeleire S., Raube K. The security-development nexus and securitization in the EU's policies towards developing countries // Cambridge Review of International Affairs. 2013. Vol. 26. No. 3. P. 556–572.

45. Kolodzeij E.A. Security and international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

46. Krause K. Critical theory and security studies // Cooperation and Conflict. 1998. Vol. 33. No. 3. P. 298–333.

47. Kupchan C. The end of the American era. U.S. foreign policy and the geopolitics of the twenty-first century. New York: A. Knopf, 2002.

48. Lucey A. Implementing the peace, security, and development nexus in Africa // Strategic Analysis. 2015. Vol. 39. No. 5. P. 500–511.

49. McSweeney B. Durkheim and the Copenhagen School: A response to Buzan and Wæver // Review of International Studies. 1998. Vol. 24. No. l. P. 137–140.

50. McSweeney B. Identity and security: Buzan and the Copenhagen School // Review of International Studies. 1996. Vol. 22. No. l. P. 81–93.

51. Mearsheimer J. The false promise of international institutions // International Security. 1994/1995. Vol. 19. No. 3. P. 5–49.

52. Merket H. The EU and the security-development nexus: Bridging the legal divide. Leiden: Brill Nijhoff, 2016.

53. Miller B. The concept of security: Should it be redefined? // Journal of Strategic Studies. 2001. Vol. 24. No. 2. P. 13–42.

54. Mitchell A. Only human? A worldly approach to security // Security Dialogue. 2014. Vol. 45. No. 1. P. 5–21.

55. Mitzen J. Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12. No. 3. P. 341–370.

56. Nye J.S. Collective economic security // International Affairs. 1974. Vol. 50. No. 4. P. 584–598.

57. Reus-Smit C. American power and world order. Cambridge: Polity Press, 2004.

58. Sassen S. Losing control? Sovereignty in the age of globalization. New York: Columbia University Press, 1996.

59. Security and development: Searching for critical connections / Ed. by N. Tschirgi, M.S. Lund, F. Manchini. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2010.

60. The security-development nexus: Expressions of sovereignty and securitization in Southern Africa / Ed. by L. Buur, S. Jensen, F. Stepputat. Uppsala: Nordiska Afrika institutet, 2007.

61. Security studies: An introduction / Ed. by P.D. Williams. London: Routledge, 2008.

62. Shapiro M.J., Alker H.R. Challenging boundaries: Global flows, territorial identities. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

63. Smith S. The increasing insecurity of security studies: Conceptualizing security in the last twenty years // Contemporary Security Policy. 1999. Vol. 20. No. 3. P. 72–101.

64. Stern M., Öjendal J. Mapping the security-development nexus: Conflict, complexity, cacophony, convergence? // Security Dialogue. 2010. Vol. 41. No. 1. P. 5–29.

65. Stewart F. Development and security // Conflict, Security and Development. 2004. Vol. 4. No. 3. P. 261–288.

66. Tschirgi N. Security and development policies: Untangling the relationship // New interfaces between security and development. Changing concepts and approaches / Ed. by S. Klingebiel. Bonn, 2006. P. 39–68.

67. Tschirgi N., Lund M.S., Manchini F. The security-development nexus // Security and development: Searching for critical connections / Ed. by N. Tschirgi, M.S. Lund, F. Manchini. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2010. P. 1–16.

68. Ullman R.H. Redefining security // International Security. 1983. Vol. 8. No. 1. P. 129–153.

69. Wæver O. Securitization and desecuritization // On security / Ed. by R. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

70. Walker R.B.J. Inside/outside: International relations as political theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

71. Walker R.B.J. Security, sovereignty, and the challenge of world politics // Alternatives: Global, Local, Political. 1990. Vol. 15. No. 1. P. 3–27.

72. Walt S.M. The renaissance of security studies // International Studies Quarterly. 1991. Vol. 35. No. 2. P. 211–239.

73. Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 391–425.
74. Wendt A. Constructing international politics // International Security. 1995. Vol. 20. No. 1. P. 71–81.

N.V. Yudin

SECURITY–DEVELOPMENT NEXUS: A POSTMODERN ANALYSIS

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Present paper completes a series on conceptual aspects of the 'security–development nexus' and its use by leading bilateral donors and multilateral organizations providing assistance to developing countries of the Global South. In order to assess the place of the 'nexus' in contemporary security studies and its role in the evolution of the corresponding subdiscipline, the paper examines this concept through the prism of postmodern theories of international relations. The first section summarizes basic premises of postmodern security studies and highlights the most notable examples of their implementation in conceptualization of security. Special attention was paid to the phenomenon of death and specific relations produced by attempts of individuals and societies to rationalize it. The second section determines the reasons behind a development and rapid recognition of the 'security–development nexus' concept in political rhetoric and practices of developed states using ontological and epistemological premises of the postmodern security studies. Such an approach reveals that an excessive broadening of security studies, embodied in the concept of the 'nexus', risks to undermine not only the legitimacy of nation-states as pivotal international actors, but also the very foundations of the rational scientific knowledge with everyday security issues collapsing into a state of ontological insecurity of an individual. In this context the conclusion is drawn that it is imperative to develop a novel methodology of security studies allowing to limit – in a systematic and rational manner – their excessive broadening and to provide them with firm scientific foundations. To that end the use of advances in materialistic approaches in international relations theory appears the most promising.

Keywords: security–development nexus, international relations theory, security studies, postmodernism, death, ontological security, 'fragile states', development assistance.

About the author: *Nikolay V. Yudin* – PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Research Fellow at the Center for Security and Development Studies (e-mail: nicolas.yudin@gmail.com).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project № 15-18-30066.

REFERENCES

1. Bartenev V.I. 2017. Ot ‘nesostoyavshikhsya gosudarstv’ k ‘neustoichivym sostoyaniyam’: logika ponyatiinoi ekvilibristiki [From ‘failed states’ to ‘states of fragility’: Logic of conceptual acrobatics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 26–41. (In Russ.)

2. Nye J.S. 2011. *The future of power*. New York, Public Affairs [Russ. ed.: Nai D. 2014. *Budushchee vlasti*. Moscow, AST Publ.].

3. Yudin N.V. 2017a. Rasshirenie problematiki issledovanii bezopasnosti [Widening debate on security: Seeking the firm ground]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 15, no. 1, pp. 60–78. (In Russ.)

4. Yudin N.V. 2017b. Svyazka ‘bezopasnost’-razvitie’: problemy i perspektivy instrumentalizatsii [Security–development nexus: Problems and prospects of instrumentalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 61, no. 9, pp. 16–23. (In Russ.)

5. Albrecht P., Jackson P. 2009. *Security system transformation in Sierra Leone, 1997–2007*. Birmingham, University of Birmingham.

6. Albrecht P., Stepputat F. 2015. The rise and fall of security sector reform in development. In Jackson P. (ed.). *Handbook of international security and development*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 150–164.

7. Ashley R.K. 1987. The geopolitics of geopolitical space: Toward a critical social theory of international politics. *Alternatives: Social Transformation and Humane Governance*, vol. 12, no. 4, pp. 403–434.

8. Ashley R.K. 1988. Untying the sovereign state: A double reading of the anarchy problematique. *Millennium – Journal of International Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 227–262.

9. Baldwin D. 1997. The concept of security. *Review of International Studies*, vol. 23, pp. 5–26.

10. Baudrillard J. 1993. *Symbolic exchange and death*. London, Sage.

11. Bauman Z. 1992. *Mortality, immortality, and other life strategies*. Cambridge, Polity.

12. Booth K. 1991. Security and emancipation. *Review of International Studies*, vol. 17, iss. 4, pp. 313–326.

13. Brown M.E., Lynn-Jones S.M., Miller S.E. 1996. *Debating the democratic peace*. Cambridge, MIT Press.

14. Browning C.S., McDonald M. 2011. The future of critical security studies: Ethics and the politics of security. *European Journal of International Relations*, vol. 19, no. 2, pp. 235–255.

15. Buzan B. 1991. *People, states, and fear: An agenda for international security studies in the post-Cold War era*. Boulder, Lynne Rienner.

16. Buzan B. 1997. Rethinking security after the Cold War. *Cooperation and Conflict*, vol. 32, no. 1, pp. 5–28.

17. Buzan B., Hansen L. 2009. *The evolution of international security studies*. Cambridge, Cambridge University Press.

18. Buzan B., Waever O., Wilde J.D. 1998. *Security. A new framework for analysis*. London, Lynne Reinner.

19. Camilleri J.A., Falk J. 1992. *The end of sovereignty? The politics of a shrinking and fragmenting world*. Aldershot, Edward Elgar Publishing.

20. Chandler D. 2007. The security–development nexus and the rise of 'anti-foreign policy'. *Journal of International Relations and Development*, vol. 10, pp. 362–386.

21. Checkel J.T. 1998. The constructivist turn in international relations theory. *World Politics*, vol. 50, no. 2, pp. 324–348.

22. Chernoff F. 2004. The study of democratic peace and progress in international relations. *International Studies Review*, vol. 6, pp. 49–77.

23. Katzenstein P.J. (ed.). 1996. *The culture of national security: Norms and identity in world politics*. New York, Columbia University Press.

24. Denney L. 2015. Operationalizing the security-development nexus: Security sector reform and its implications In Jackson P. (ed.). *Handbook of international security and development*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 135–149.

25. Der Derian J. 1993. The value of security: Hobbes, Marx, Nietzsche, and Baudrillard. In Campbell D., Dillon M. (eds.). *The political subject of violence*. Manchester, Manchester University Press, pp. 94–113.

26. Digeser P. 1992. The fourth face of power. *The Journal of Politics*, vol. 54, no. 4, pp. 977–1007.

27. Dillon M. 1995. Security, philosophy, and politics. In Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds.). *Global modernities*. London, Sage Publications, pp. 155–177.

28. Duffield M. 2010. The liberal way of development and the development–security impasse: Exploring the global life – chance divide. *Security Dialogue*, vol. 41, no. 1, pp. 53–76.

29. Farrell T. 2002. Constructivist security studies: Portrait of a research program. *International Studies Review*, vol. 4, iss. 1, pp. 49–72.

30. Fitz-Gerald A. 2006. Addressing the security–development nexus: Implications for joined-up government. In Klingebiel S. (ed.). *New interfaces between security and development. Changing concepts and approaches*. Bonn, pp. 107–126.

31. Fukuyama F. 2006. *America at the crossroads. Democracy, power, and the neoconservative legacy*. New Haven, Yale University Press.

32. Furness M., Gänzle S. 2017. The security–development nexus in European Union foreign relations after Lisbon: Policy coherence at last? *Development Policy Review*, vol. 35, no. 4, pp. 475–492.

33. Ha4ftendorn H. 1991. The security puzzle: Theory-building and discipline-building in international security. *International Studies Quarterly*, vol. 35, no. 1, pp. 3–17.

34. Jackson P. (ed.). 2015. *Handbook of international security and development*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing.

35. Hansen L. 1997. A case for seduction? Evaluating the poststructuralist conceptualization of security. *Cooperation and Conflict*, vol. 32, no. 4, pp. 369–397.

36. Herz J. 1962. *International politics in the atomic age*. New York, Columbia University Press.

37. Hettne B. 2010. Development and security: Origins and future. *Security Dialogue*, vol. 41, no. 1, pp. 31–52.

38. Hopf T. 1998. The promise of constructivism in international relations theory. *International Security*, vol. 23, no. 1, pp. 171–200.

39. Hudson H. 2015. Untangling the gendering of the security–development nexus. In Jackson P. (ed.). *Handbook of international security and development*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 47–63.

40. Huysmans J. 1998. Security! What do you mean? From concept to thick signifier. *European Journal of International Relation*, vol. 4, no. 2, pp. 226–255.

41. Jackson P., Albrecht P. 2011. *Reconstructing security after conflict: Security sector reform in Sierra Leone*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.

42. Jacobsen T., Sampford C.J.G., Thakur R.C. 2008. *Re-envisioning sovereignty: The end of Westphalia?* Aldershot, Ashgate.

43. Jesperson S. 2017. *Rethinking the security–development nexus: Organized crime in post-conflict states.* New York, Routledge.

44. Keukeleire S., Raube K. 2013. The security–development nexus and securitization in the EU's policies towards developing countries. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 26, no. 3, pp. 556–572.

45. Kolodzeij E.A. 2005. *Security and international relations*. Cambridge, Cambridge University Press.

46. Krause K. 1998. Critical theory and security studies. *Cooperation and Conflict*, vol. 33, no. 3, pp. 298–333.

47. Kupchan C. 2002. *The end of the American era. U.S. foreign policy and the geopolitics of the twenty-first century*. New York, A. Knopf.

48. Lucey A. 2015. Implementing the peace, security, and development nexus in Africa. *Strategic Analysis*, vol. 39, no. 5, pp. 500–511.

49. McSweeney B. 1998. Durkheim and the Copenhagen School: A response to Buzan and W ver. *Review of International Studies*, vol. 24, no. l, pp. 137–140.

50. McSweeney B. 1996. Identity and security: Buzan and the Copenhagen School. *Review of International Studies*, vol. 22, no. l, pp. 81–93.

51. Mearsheimer J. 1994/1995. The false promise of international institutions. *International Security*, vol. 19, no. 3, pp. 5–49.

52. Merket H. 2016. *The EU and the security-development nexus: Bridging the legal divide*. Leiden, Brill Nijhoff.

53. Miller B. 2001. The concept of security: Should it be redefined? *Journal of Strategic Studies*, vol. 24, no. 2, pp. 13–42.

54. Mitchell A. 2014. Only human? A worldly approach to security. *Security Dialogue*, vol. 45, no. 1, pp. 5–21.

55. Mitzen J. 2006. Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma. *European Journal of International Relations*, vol. 12, no. 3, pp. 341–370.

56. Nye J.S. 1974. Collective economic security. *International Affairs*, vol. 50, no. 4, pp. 584–598.

57. Reus-Smit C. 2004. *American power and world order*. Cambridge, Polity Press.

58. Sassen S. 1996. *Losing control? Sovereignty in the age of globalization*. New York, Columbia University Press.

59. Tschirgi N., Lund M.S., Manchini F. (eds.). 2010. *Security and development: Searching for critical connections*. Boulder, Lynne Rienner Publishers.

60. Buur L., Jensen S., Stepputat F. (eds.). 2007. *The security–development nexus: Expressions of sovereignty and securitization in Southern Africa*. Uppsala, Nordiska Afrika institutet.

61. Williams P.D. (ed.). 2008. *Security studies: An introduction*. London: Routledge,

62. Shapiro M.J., Alker H.R. 1996. *Challenging boundaries: Global flows, territorial identities*. Minneapoli, University of Minnesota Press.

63. Smith S. 1999. The increasing insecurity of security studies: Conceptualizing security in the last twenty years. *Contemporary Security Policy*, vol. 20, no. 3, pp. 72–101.

64. Stern M., Öjendal J. 2010. Mapping the security–development nexus: Conflict, complexity, cacophony, convergence? *Security Dialogue*, vol. 41, no. 1, pp. 5–29.

65. Stewart F. 2004. Development and security. *Conflict, Security and Development*, vol. 4, no. 3, pp. 261–288.

66. Tschirgi N. 2006. Security and development policies: Untangling the relationship. In Klingebiel S. (ed.). *New interfaces between security and development. Changing concepts and approaches*. Bonn, pp. 39–68.

67. Tschirgi N., Lund M.S., Manchini F. 2010. The security–development nexus. In Tschirgi N., Lund M.S., Manchini F. (eds.). *Security and development: Searching for critical connections*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, pp. 1–16.

68. Ullman R.H. 1983. Redefining security. *International Security*, vol. 8, no. 1, pp. 129–153.

69. Wæver O. 1995. Securitization and desecuritization. In Lipschutz R. (ed.). *On security*. New York, Columbia University Press, pp. 46–86.

70. Walker R.B.J. 1993. *Inside/outside: International relations as political theory*. Cambridge, Cambridge University Press.

71. Walker R.B.J. 1990. Security, sovereignty, and the challenge of world politics. *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 15, no. 1, pp. 3–27.

72. Walt S.M. 1991. The renaissance of security studies. *International Studies Quarterly*, vol. 35, no. 2, pp. 211–239.

73. Wendt A. 1992. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, vol. 46, no. 2, pp. 391–425.

74. Wendt A. 1995. Constructing international politics. *International Security*, vol. 20, no. 1, pp. 71–81.